

Вероника Киреева

Меловечек

сборник рассказов

Вероника Киреева

Человечек

«Издательские решения»

2015

Киреева В.

Человечек / В. Киреева — «Издательские решения», 2015

Маленькие истории из жизни. Наивные, смешные, трогательные... Чтобы плакать, чтобы смеяться. Чтобы еще раз пережить, вспомнить, почувствовать.

Содержание

Облако между нами	6
Новые тела	8
Подставка под яйцо	9
Превращения	12
Мужья двоюродных сестер	13
И зачем мне такая жизнь?	16
На небе	19
А потому что мы люди	22
В последний раз	23
Мороженое с клубникой	24
Человечек	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Человечек
сборник рассказов
Вероника Киреева

© Вероника Киреева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Облако между нами

Куда бы думаю, пойти, чтобы познакомиться с женщиной? На улице же не станешь её хватать, мол, где тут спорттовары, мне надо гантели купить. Да они же бегут все на красный свет, куда-то торопятся.

Еще под колеса толкнут, лежи потом с физраствором в руке и тремя переломами. А мне же хочется встречаться. Хочется держать ее за руку, говорить о прекрасном. Да я просто мечтаю! Я бы показал ей скамейку под раскидистым дубом, маленькую черную птичку с острым желтым носиком. Вот как она называется?

Я бы повел ее к озеру, к старому заброшенному дому, в котором когда-то собирались рабочие, и чертили план эвакуации со второго этажа. Да столько всего, что хочется показать! А выставка народных промыслов? А скалы, на которые не забраться? А блестящие, раскиданные повсюду оцинкованные трубы?

Да со мной бы она узнала, как устроен центробежный насос, сколько ватт в одном киловатте. А я хочу ей сказать, что между полюсами любого источника тока существует электрическое напряжение. И решил я пойти на пьеску «Облако между нами».

Думаю, женщин будет много, я присмотрюсь к ним поближе, может быть, до дома кого провожу. А завтра по улицам будем вместе гулять, на небо смотреть, на идущих мимо прохожих!

Пришел я в театр, едва свое место нашел. А женщин действительно много, и все хотят любви! Ну конечно! Кто ж не хочет? Смотрю, справа женщина с черными волосами, слева с кудрями, видимо бигуди только что сняла. Спереди и сзади тоже женщины и все улыбаются, и все прекрасны!

Ну, какое же думаю, счастье, что я пришел! Тут занавес поднялся, на сцену выскочили две женщины, видимо мать и дочь, а мне понять охота, кого они ждут? Может, почтальона с посылкой, или водопроводчика? А они заглядывают за штору, кого-то ищут, то вдруг в зал начинают всматриваться, а мне их жалко, что же никто не идет-то?

Тут вдруг мужики откуда-то прибежали, да сразу четверо! Я не пойму, кто из них кто, что за люди? А они оказались друг другу братья, и все хотят руки дочери, а она не знает, кого выбрать, смотрит на меня. А что я скажу? Я щас посоветую, а потом вдруг окажется, что он не знает, как мясорубку прикрутить, а откуда ему знать, у него жабо какое-то на груди!

Смотрю, один брат, а у него рыжая борода, схватил скрипку и давай играть, да так жалобно, что все женщины начали сморкаться и платочками слезы вытирать. А дочка слушает, и тоже рыдает, и мамаша с ней рядом. Тут вдруг второй брат выскочил, как давай плясать, да вприсядку, да с выходом из-за печки. Ну, такой молодец!

Дочка сразу повеселела, и мамаша с ней рядом, и все женщины стали смеяться, я сам-то едва сижу, как думаю на сцену не выпрыгнуть, не пуститься в пляс! Так вот за кого надо замуж-то выходить! Все время будешь веселая, также будешь прыгать, также скакать!

Тут третий брат не выдержал, и давай колесом ходить. Сделал мостик, шпагат, кувырок через голову, схватил эту дочку на руки, подкинул к потолку. Ну, силач! А дочка улетела и никак не прилетает, зацепилась видно ногой за что-то.

Мамаша в панике, братья тоже, пришли же жениться и на ком? Бородач своей скрипкой машет, в силача смычком тычет, силач усы теребит, танцор рыдает. А младший брат всех успокаивает, мол, что переживать? Невест полно, пойдете домой!

И тут вдруг пар начал откуда-то подниматься. Застелил всю сцену, первый ряд, второй, скоро до пятого доберется. А я в таком волнении, где человек-то? Что случилось-то? Неужели забрали инопланетяне?

И все женщины в зале заволновались, давайте говорят, администрацию позовем вместе с пожарными. А братья эти бедные стоят, смотрят наверх, горюют горемычные, все, кроме младшего брата. А он сел за стол, и пирожки сидит, ест. Так и я тоже проголодался, может, думаю, кто в гости пригласит, чаю нальет?

Смотрю на женщину справа, а она спит, и всё ей ни почем! Тут такие события разворачиваются, человек потерялся, а ей хоть бы что! Смотрю на женщину слева, которая бигуди недавно сняла, а она вообще сидит, ест! Я не понимаю, как можно пережевывать пищу сидеть, когда у людей горе?

Да они все поизмотались, притащили лестницу из кладовки, залезли на нее все втроем. Мы сидим все в тумане, друг друга уже не видим, только слышим, как братья зовут ее, умоляют вернуться, а она молчит. А что тут скажешь, когда давно уже улетела на другую планету и то, что мать одна осталась, совсем не волнует.

Тут вроде туман развеялся, зазвучала музыка, занавес опустился, а я и не понял, чем все закончилось-то? Потом занавес поднялся, я смотрю и мамаша и женихи и дочка все живы, здоровы, кланяются нам. Так значит, она вернулась? А кого же тогда она выбрала? Танцора или скрипача или силача?

А женщины обрадовались, хлопают изо всех сил, смеются. Справа женщина проснулась, ну надо же, говорит. Слева женщина беляш доедает, не знает, обо что руки вытереть. А мне непонятно! Может, я что-то пропустил, и она все-таки выбрала танцора?

– А кого, – говорю, – она выбрала-то?

– По-моему с бородой, – говорит та, что проснулась.

– А мне все-таки кажется, что с усами, – говорит та, что все съела.

Вот здрастье! Оказывается, она выбор свой сделала, а я и не заметил! И как-то грустно мне стало, что она танцора не выбрала, хороший же человек был, а как танцевал! И до того я расстроился, что даже ни с кем не познакомился и никого до дома не проводил.

А что мне знакомиться, когда выбор неправильный?

И так всегда!

Новые тела

Смотрю я на наши тела и понимаю, что они нуждаются в еде, в культурном отдыхе на кровати, в зимней одежде. А как ты без шапки интересно пойдешь?

Не было бы тел, ничего бы и не было. Никаких производств! А то и огурцы надо выращивать, и хлопок собирать, и алюминий добывать. И путепроводы прокладывать, а всё из-за чего? Из-за тел! Это им все надо! А женским телам с каждым днем надо всё больше и больше!

Я вообще удивляюсь! А что, думаю, если бы у нас были другие тела? Это же не пить не надо, не есть, не спать. Ничего не выращиваем, не просеиваем, не удобряем! Не собираем! А не надо нам еды никакой! Ни колбасы, ни сосисек! Ни столовых тебе, ни ресторанов, ни закусочных с кулинариями.

Женщины не толстеют, не пьют алкоголь, не кидаются с кулаками. Трезвые все время! Чистые! У плит не пыhtят, не скачут! В духовках ничего не сжигают. Не ругаются, не бранятся. Ножиками не машут, скалками не трясут. Холодильников нет, нет посуды!

Ничего не ломается, не валится их рук, не разбивается вдребезги. Не надо картошку чистить, молоть этот фарш, мясорубку мыть, прочищать унитаз, а потому что в нем заварка застряла и полкастрюли борща!

Это сколько же свободного времени, чтобы спокойно сесть и книгу почитать. Научиться вязать, шить, рисовать, петь. Разговаривать на других языках. Придумать свой собственный. Не надо спешить к стоматологу, бежать за сметаной, ставить клизмы по вечерам.

Все женщины очаровательны и прекрасны! Никто не злится, что переела или выпила слишком много. Никто конфеты не ест по ночам, не прячет варенье, не лежит в кровати с набитым ртом. Никто не рыдает, что платье малое, что тесто не подошло, что курица сгорела в духовке вместе с двумя прихватками.

Никто не вешает чужую фотографию на холодильник и не приклеивает к ней свою голову. Никто не прыгает на весы. Это же какая прекрасная жизнь! Тишина кругом и покой. Ни кроватей, ни одеял! А не надо никому укрываться, никто не спит, все читают басни Крылова.

Надели на себя костюмы из полиэстра и ходим друг перед другом, проделываем гимнастику, крутим обруч, приседаем на одной ноге. У нас новые тела и от этого солнце светит ярче и дождик теплее. Нет ни слез, ни скандалов! Не надо в очередях стоять, думать, что купить, что приготовить, когда все успеть?

Не надо тащиться с тяжелыми сумками. Ни спина не болит, ни голова! Не надо кастрюли мыть, венчики, сковородки. Ведра эти мусорные без конца выносить! Да сразу другая жизнь, полная радости и здоровья! Можно стены покрасить в подъезде, научиться играть на трубе, разучить краковяк, бисер пришить к кокошнику.

А главное настроение сразу другое, никакой икоты! Хочется петь и видеть во всем прекрасное. Женщины ничего не жуют, ходят с закрытыми ртами, спины прямые, руки свободны. Кидай только мяч успевай! И никакой тяжести в животе, никакой изжоги! Да я лежу и представляю нашу новую жизнь.

Все здоровы, смеются, играют возле реки в бадминтон.... И ни у кого даже мысли нету схватить кусок жареной колбасы и бегать с ним перед всеми. Галя, наконец, свяжет мне шерстяные носки, и научиться петь на французском. А я

А я буду закаляться.

Подставка под яйцо

Я не понимаю, зачем люди женятся? Чтобы ругаться? Чтобы нервы друг другу трепать? Так пока мы встречались, все было хорошо! Все было прекрасно! Мы даже не спорили и друг друга не злили.

Мы смотрели на небо, и видели танец звезд. Мы слышали музыку дождя! У нас замирало сердце от одной только мысли, что мы будем вместе. А сейчас? Мы вместе, но меня все раздражает! Да я вспоминаю как я жил один и думаю, а что мне не хватало? Бабы, которая бесконечно ворчит и скандалит?

Которая говорит, что мне нужно надеть, как мне нужно сидеть, спать, жевать, чистить зубы? Так она же стоит надо мной с самого утра и рассказывает, как нужно пользоваться зубной щеткой! Да мне мама родная такого не рассказывала, а тут Оксана! У меня нервы на пределе, а впереди целый рабочий день и как работать?

Я-то думал, что я спокойный, уравновешенный мужчина, что у меня все нормально с психикой, что меня трудно вывести из себя, а оказалось всё не так! Только живя с женщиной, я начал понимать, что я совсем другой! Что я нервный и легко уязвимый. Что я обидчивый, ревнивый, мстительный, жадный!

Я боюсь, что Оксана истратит все мои деньги, накупит всякой ерунды, всякого барахла. Того, что не надо никому! Так мы же раньше только по улицам ходили, по площадям! Смотрели на луну за облаками, на фонари, на мерцающие в далекой дымке синие огни и нам не надо было ничего! Зато сейчас нужно все!

И покрывала, и подушки и серебристый заварочный чайник, и новые кастрюли, и два одинаковых коврика на кухню. Я не пойму только зачем?

– Чтобы было красиво, – говорит Оксана и ей даже невдомек, что без этого можно обойтись.

– А это что? – спрашиваю я, замечая на полке какие-то стеклянные вазочки.

– Это я специально купила, – радуется Оксана, – правда милые? В одну я насыплю сушеные розы, в другую налью воды и положу камешки, у меня есть такие красивые камешки, я сама собирала! А можно плавающие свечи попробовать, они будут гореть прямо в воде...

А мне непонятна такая трата денег. Нет бы, купить что-то путнее, она тратит деньги на какие-то вазы! Так теперь мы вместе по магазинам ходим, и я слежу за Оксаной, потому что она совершенно не умеет себя останавливать. Не умеет контролировать свои желания и хватается сразу же по три шейных платка.

– Куда? – спрашиваю я и с силой вырываю два платка из ее рук. – Они же совершенно одинаковые!

– Я повяжу один на шею, – говорит Оксана, – а другой на сумку. А третий подарю маме.

– Бери сразу пять! – чуть ли не выкрикиваю я, и мне становится понятно, куда улетают мои деньги.

– Ой, – снова радуется Оксана и крутит в руках какую-то нелепую безделицу, напоминающую кошку с закрученным длинным хвостом. – Какая прелесть! Ты посмотри, какие у нее умные глазки, а какой хвостик!

– Зачем? – я вырвал эту безделицу из ее рук и поставил на место.

– Сережа, – она снова схватила эту нелепицу и прижала к груди. – Это подставка под салфетки, ну хочешь, давай возьмем вот эту, – она схватила с полки другую, не менее нелепую. – Это подставка под яйцо, ну у нас же нет ни одной!

– Хватит! – я со злостью развернулся и пошел в другой конец зала.

Да у меня в голове не укладывается, как можно так бездумно, так глупо тратить деньги! Буду я есть яйцо на фарфоровой подставке! Кто-то же додумался до такого! Тут я заметил, как

Оксана с радостным выражением лица схватила плетеную корзину для фруктов столкала туда свои одинаковые платки, подставку под яйцо, шапку для сауны, жидкость для розжига, альбом для фотографий, две пары вязаных детских перчаток, крышку для сковородки...

А мне интересно, чем продиктован ее выбор? Я стоял неподалеку в большом изумлении, и мне казалось, что передо мной чужая глупая женщина, у которой к тому же нет совести. Я не знал, что мне делать. Подойти к кассиршам и сказать, что Оксана психически больна?

А она смотрю, складывает в корзину какой-то мяч, полосатые брюки от пижамы, металлическое сито для муки, можно подумать, будет стряпать... И у нее даже не возникает мысли остановиться и подсчитать, сколько все это будет стоить. Чувствуя, как меня разбирает злоба, я вышел из магазина и пошел домой.

Я решил, что с этого дня Оксана не увидит моих денег никогда! Придя домой, я никак не мог успокоиться. Мне было непонятно, как можно купить подставку под яйцо из фарфора? Что за необходимость? Я готовился к серьезному разговору, и у меня не укладывалось в голове, как можно быть такой расточительной?

Через какое-то время заявила Оксана! Она была красная от волнения с прилипшими ко лбу волосами. Ну, конечно же, ей не хватило денег, и она бедняжка вернулась ни с чем!

– Сережа, – сказала она, с трудом переведя дыхание. – Слава Богу, ты дома! Что с тобой случилось? Тебе легче?

– Оксана, – а мне противен весь этот спектакль.

– Я так за тебя переживала! – сказала она в сердцах. – Так испугалась! Я же подошла к кассе, и тут поняла, что тебя нигде нет, – она положила руку мне на лоб. – Ты такой горячий, Сережа! Ты пил таблетки?

– Да я здоров, как никогда! – говорю я, а мне интересно, неужели Оксана думала, что я дал бы ей денег на эту ерунду?

Ха-ха-ха! Мне захотелось рассмеяться ей прямо в лицо и показать жирный кукиш.

– Померь температуру, – она протянула мне градусник. – Ты такой бледный, давай раздевайся, – она стала расправлять кровать. – Я пойду, достану барсучий жир....

– Да я, правда, здоров! – говорю я и мне охота расхохотаться от радости, что я вовремя ушел, и у нее не хватило денег!

А с каким видом она ходила по магазину! С каким восторгом складывала в корзину, всё что ни попадя. Я тут же представил, как она смело выкладывает на кассе никому не нужный резиновый мяч, крышку для сковородки и прочую дребедень.... Кассирша называет сумму чека, Оксана заглядывает в кошелек, а там извините денег мало!

Она начинает метаться по магазину, искать меня, а я дома! А где мне еще быть? Оксана возвращается на кассу, грустно вздыхает, а не надо, потому что хватать все подряд! Я снял с себя одежду и лег в кровать, а пусть думаю, она меня натирает. Хуже не будет, да и ей надо чем-то заняться, не всё же шататься по магазинам. Я снова представил ее растерянное лицо и внутренне рассмеялся.

– Ты меня так напугал, – Оксана вернулась с банкой жира и стала растирать мне грудь. – Я не знала что думать! Где ты? Что с тобой? Вдруг думаю, тебе плохо стало? Я выскочила на улицу, смотрю, тебя нигде нет. Тут скорая едет, я думаю, может, это тебе кто-то вызвал? Побежала за ней, руками машу, кричу, остановитесь! Они остановились, а у меня ноги подкашиваются, я сказать ничего не могу, смотрю на них, а они мне женщина! Женщина! Санитары выбежали, тут же на носилки меня положили и в машину закинули. Я в себя пришла, говорю, я мужа потеряла, и слезы вдруг у меня покатались градом. Думаю, где ты? Мы же только-только с тобой поженились, только жить начали....

А они меня успокаивают, хотели укол поставить, да я говорю не надо.... Выскочила из машины и бежать. Может, думаю, ты до дома дошел, а меня нет рядом. Бежала изо всех сил, не помню, как добежала...

И тут я только заметил, что у нее рубашка на груди влажная.

– Ты говори мне Сережа! – она склонилась надо мной, и я увидел, как в ложбинке на шее у нее пульсирует сердце. – Если что-то болит, не надо скрывать, лучше давай сходим к врачу, – она посмотрела на меня. – Я представила на какую-то секунду, что тебя нет со мной, и мне стало так страшно...

– Так, а ты что, вообще ничего не купила? – спрашиваю я.

– Ничего, – грустно вздохнула она. – Давай я тебя укутаю, и ты лежишь спокойно...

– И даже подставку под яйцо?

– Даже подставку, – она стала закутывать меня в одеяла, а я подумал, что завтра же пойду в магазин и сам куплю ей эту подставку.

А пусть она варит по утрам яйца и ест их на фарфоровой подставке.

Превращения

Все в природе взаимосвязано и не существует само по себе. Если есть очередь, значит, обязательно кому-то не хватит. Если есть труба, значит, рядом с ней будет красиво гореть костер и все желающие смогут подойти, погреть руки, посмотреть на огонь....

А если где-то есть женщина, значит, непременно будет скандал! А как ей выразить свое несогласие? Как рассказать о своих чувствах? Только кидаясь предметами и выкрикивая ругательства! Накричавшись вдоволь и разбив графин со стаканами, она постепенно успокаивается и понимает, что проголодалась.

Завязав голову платком, и тяжело вздыхая, она съедает тарелку борща, две котлеты, четыре малосольных огурца, полбанки зеленого горошка и как ни в чем не бывало, начинает размахивать веником. Она поет песни, смотрит на себя в зеркало и даже не помнит, что с ней было совсем недавно!

И это те женщины, с которыми мы живем изо дня в день! Живем и наблюдаем, как они из молодых хорошеньких девушек превращаются во взрослых некрасивых женщин. Как у них появляются привычки не разговаривать по три дня, неожиданно заболеть разными недугами, кричать, браниться, хлопать дверями. Храпеть по ночам. Выпивать у подруг.

А потом они приходят пьяные, горько рыдают и обвиняют нас в том, что это мы во всем виноваты! Что это мы отобрали у них лучшие годы жизни. А мы живем и не понимаем, причем тут мы? Они сами нас за руки хватили, сами предлагали остаться! Может, мы и не хотели, хотели домой уйти, к свои матерям!

У нас может, другие планы были, так они ведь придумали, что им страшно, что им кран надо починить. А мы-то поверили! Мы-то изоленту стали искать, пассатижи! И теперь мы виноваты, что той ночью не отстояли себя, не убежали домой. У нас будто бы никто ничего не отбирал!

Да у меня уже здоровье не то, не те нервы! Я уснуть не могу, меня лежа дергает, чешется нога. И как у нас вообще хватает терпения все это терпеть? Так они прячут деньги, влезают в разговоры, не моются по три дня! И мы с ними живем! А что делать?

Снова жениться на юной девушке, чтобы через какое-то время она превратилась в женщину с надменным лицом? Да кто бы знал, что будут такие изменения? Что через каких-то пять лет с тобой в кровати окажется вздорная, злая баба с которой нет ничего общего?

Да мы бы сто раз подумали, жениться или все-таки жить без жен. Не видеть этих превращений, не знать. А теперь приходится жить и ждать, когда же они, наконец, постареют! Забудут про все свои обиды, перестанут скандалить, возьмут в руки спицы, и будут сидеть себе тихо перед телевизором...

Мужья двоюродных сестер

Не могу привыкнуть к тому, что я женат. Да я вообще забываю! Шас думаю, домой приду, картошки нажарю, телевизор посмотрю... Прихожу, а уже макароны сварены!

И что мне теперь, давиться ими сидеть? В ванную хочу зайти, а там уже кто-то сидит. И что мне, ждать теперь два часа, немытым ходить? Так я на диван хочу прилечь, а на нем уже лежат. Отдыхают. И кто бы это мог быть? А это родственники Галины из Нижневартовска приехали. Дома-то им не ложится!

И что мне, телевизор теперь не посмотреть, не узнать чем все закончилось? Да я устал от такой жизни! Это ж никуда ни зайти, ни выйти. То кто-то переодевается, то вдруг из туалета выходит. То с утра в дверь звонит! Галя на вокзал бежит посередине ночи поезда встречать, а к нам племянники едут со всех городов и им всем надо поступать в музыкальное училище.

Они все на трубах играют, на тромбонах, хотят и дальше учиться!

– Галя, – говорю я, – есть же общежития для студентов, пусть они там и живут вместе с другими музыкантами, репетируют...

– Ты что? – пугается Галя. – Ты разве не знаешь, чем они там занимаются? Да они сразу курить научиться, выпивать, еще и жениться придется на какой-нибудь пианисточке!

– А у нас, – говорю, – они не научатся! – а меня злоба разбирает, почему?

Почему я не узнал, что у Гали столько родственников и им негде остановиться?

И как мне выспаться, если всю ночь беготня? Одни уезжают, другие приезжают. Галя не знает, куда их положить, постелила им на пол мой единственный полушубок из овчины! Собрала все покрывала, все полта, украла у меня одеяло! Я лежу, мерзну под ее шальями, мне не уснуть!

Я не знал, что такое бывает! Да я бы не женился никогда! Так они полночи смеются, вспоминают, как было, приветы передают, и им хочется знать, как живет Галя? Была ли она в музее? А может, она несчастна и ей в таком случае, нужно сесть вместе со всеми на поезд и уехать в Чингильтуй, откуда она и приехала.

Я уже думаю, может мне у товарищей ночевать? А у них тоже самое! Тоже люди и всем нужны одеяла. А где нам их взять? Для чего мы женились вообще?

– Галя, – говорю я, – ну сколько можно? Мне не помыться, не пожрать после работы! Я жду, когда твои родственники чаю напьются, наконец, и выйдут из кухни!

А она сразу в слезы.

– Ты, – говорит, – Валера бессердечный человек! Они же тоже устали и проголодались.

Я не устал! Да я на ногах не стою, а тут народ кругом! И все улыбаются, а мне разве приятно? Да я жду не дождю, когда они на поезд пойдут, на часы без конца смотрю, а они не торопятся! Лежат, телевизор смотрят. У нас говорят, вещи еще не высохли, надо было на завтра билеты брать.

А у меня вообще настроения нет! Я на кухню попал с большим трудом, залез в холодильник, а там вчерашние макароны, деревенское молоко и две курицы прямо в перьях! Тут вдруг снова звонок в дверь, а мне уже страшно! Вот жизнь! Никогда не думал, что буду бояться.

Тут слышу, все оживились, стали смеяться, вопросы разные задавать. Выхожу в коридор, и вижу, как два бородатых мужика обнимаются с Галей.

– Это мужья, – радостно говорит Галя, – моих двоюродных сестер, они у нас переночуют, и завтра поедут в Петропавловск – Камчатский. Вы проходите, проходите, – приглашает их Галя, – у меня как раз завтра выходной, можем пойти в краеведческий музей. Валера, что ты стоишь? – тут она, наконец, посмотрела на меня.

– Здравсьте, – говорю я, а мне вообще непонятно почему у Гали выходной вдруг в четверг.

– Ну, здравствуй! – говорят эти бородатые люди, и обнимают меня со всей силы.

И тут все засмеялись, стали говорить, какой я прекрасный человек и как же Гале повезло с мужем. А я думаю, они щас в ванной намываться начнут, потом спать улягутся на моем полушубке, а завтра с утра я уйду, и они втроем будут шататься по музеям?

И зачем я женился вообще? У меня как не было жены, так и нет! Зато полный дом незнакомых людей! Галя ночами не спит, то встречает, то провожает. Стелет на пол мою одежду, я голодный, пью стоя чай и при этом держу в руках одеяло!

Неужели нельзя сразу же сесть на другой поезд и уехать? Почему надо задержаться на трое суток? Зачем? Да я домой идти не хочу, уже не знаю, куда мне податься? Где найти свободный диван и телевизор?

– Галя, – пытаюсь сказать я, – у нас не гостиница!

А она сразу в слезы.

– Ты, – говорит, – Валера бессердечный черствый человек. Где они, по-твоему, должны ночевать?

И что мне ответить? Сказать, что им хватить туда-сюда ездить, пусть дома сидят? Так эти мужики даже мыться не стали, выпили два литра молока и сразу же улеглись на мою шубу! Мне даже с Галей не обняться, не продолжить свой род. Так, а мы не одни! И причем уже давно. И зачем я женился вообще? Слушать этот храп?

– Галя, – говорю я, – я не могу больше так жить!

– Я не знала, что они так храпят, – расстраивается Галя. – Может, нам на балконе сегодня спать?

– Быть может, мы уйдем? – говорю я. – А к кому? Ты уверена, что эти двое мужа твоих двоюродных сестер?

– Ну конечно, – удивляется Галя. – Я тебе даже фотографии сейчас покажу.

Достала Галя альбом, я смотрю на фотографии, а там ее сестры, деревенские шанги сидят возле бани и рядом с ними стоят ихние мужики. Стал я приглядываться к ним, и вдруг вижу, что это совсем другие люди! Ну, никакого сходства!

– Галя! – шепотом говорю я. – Посмотри, у этих рожи совершенно другие, это не мужа вовсе! – а мне уже страшно.

Кто же это лежит на нашем полу?

– Дай-ка сюда, – Галя забрала у меня альбом и стала рассматривать фотографии. – Вот это Виталик, муж Анжелки, а вот это Толик, муж Наташи... только они здесь молодые... Я их раз всего-то и видела, когда на свадьбе была. Так конечно, им тут всего по двадцать пять, а сейчас им все тридцать!

– Да что я не вижу что ли? – говорю я, изо всех сил разглядывая фотографию. – Это вообще другие люди, Галя! – и тут вдруг меня осенило. – Это твой бывший любовник со своим родным братом, да?

– Да ты что, Валера? – удивляется Галя.

– А что? – говорю я. – Соскучился, захотел увидеть, а тут я! И что делать? Не сказать ли, что мы мужа двоюродных сестер? А ночью я усну, ты к нему придешь на мою овчинную шубу, и будешь лежать в обнимку! А завтра вы вместе будете ходить по музеям, вспоминать свою любовь!

– Валера, – пытается остановить меня Галя.

– Ты и выходной специально взяла, – говорю я, – с мужем-то с родным неинтересно гулять, а с бывшим ухажером, пожалуйста!

– Да это мужа моих сестер, – говорит Галя, краснея от волнения, – просто у них бороды выросли, а тут они без бород. Неужели ты не видишь?

– Я все вижу, – говорю я, – все! И как ты обнималась с ним в коридоре, и как вы смотрели друг на друга! И как я сразу-то не догадался! – я стукнул себя по лбу. – Так, наверное, у нас все твои женихи уже переночевали, а я думаю, откуда у тебя столько родственников?

– Валера, – пытается успокоить меня Галя, – ну что ты несешь? Давай возьмем их паспорта и посмотрим, должна же быть там запись о браке, – она соскочила и стала рыться в их сумках. – Вот, кажется, нашла, – она принесла оба паспорта и стала их листать. – Макаренко Вячеслав Николаевич, Игнатенко Константин Эдуардович...

– Дай-ка сюда, – я выхватил оба паспорта и стал смотреть запись гражданского состояния. – Так, один женат на Волошиной Зинаиде Аркадьевне, другой разведен с Артемьевой Ольгой Петровной... И кто эти люди? – я посмотрел на Галя.

– Ну, они так похожи на мужей моих двоюродных сестер, – говорит она. – А может, они братья мужей моих двоюродных сестер? Фамилии-то у них одинаковые...

– Это еще не хватало! – а мне вообще непонятно кто лежит в моем доме, да еще на моем полушубке!

– Валерочка, – говорит Галя, – ну даже если они и братья, пусть поспят с дороги...

– Галя! – у меня слов нет! – А что они сразу-то не могли позвонить, сказать, что мы братья мужей двоюродных сестер? Мы даже не знаем кто у нас в доме! По паспортам узнаем!

– В любом случае, они наши родственники, – утешает меня Галя.

– Да? – а у меня аж дыхание перехватило. – А что если завтра сестры мужей твоих двоюродных сестер к нам заявятся?

– Ну, они тоже наши родственницы, – как ни в чем не бывало, говорит Галя.

– Хватит! – а у меня уже сердце закололо. – Больше чтобы я ни одного твоего родственника здесь не видел!

– Ты бессердечный черствый человек, – обвиняет меня Галя.

– Да! – чуть ли не выкрикиваю я. – Я бессердечный, черствый человек! Чтобы завтра тут никого не было!

А меня трясет и колотит! Устроили в моем доме общежитие! Пошел я к товарищу ночевать, на следующий день прихожу домой, дома никого! Это ж, какая благодать! А я давно не был дома один. Да я тут же в ванную залез, потом лег на диван, включил телевизор. И никто не мельтешит, не маячит.

Да я поверить не могу, что у нас, наконец, тишина и покой! Никаких чемоданов в прихожей, никаких людей, сидящих на кухне! И одеяло мое на месте и полушубок висит в шкафу. Да я такой радости давно не испытывал. Только Гали где-то нету. Так, наверное, по музеям шатается, показывает красоту нашего города.

Тут вдруг смотрю, записка на столе. «Валера, я поехала в Чингильтуй. Мы не можем быть вместе. Галя».

Ну и прекрасно! Мне хоть макаронами не сидеть не давиться!

И зачем мне такая жизнь?

Я же тут жениться собрался! Поехал на одной машине с товарищами, а невеста моя с мамашами поехали на другой. А товарищи меня поддерживают, да мы останавливаемся через каждый километр, наливаем.

А когда еще вот так выпьешь? А я сам себя уже не понимаю. Мне и страшно и охота, и мысли вдруг такие, а что если Анжела страстная женщина и я не смогу? А если наоборот, бесстрастная? Как с ней жить?

Да мне плакать охота, а мужики тоже чуть не рыдают, бояться, что я потеряю себя. Стану безвольным, малодушным, безгласным. Буду домой бежать после работы, таскаться с половиками, с мусорными ведрами. Буду за веники хвататься, за швабры, размахивать молотком и зубилом.

А они в это время на закаты будут смотреть, на летящие по небу облака...

– Нам тебя очень, очень будет не хватать, – говорит Генка и обнимает меня, как брата родного.

– Да я с вами буду, мужики, – смеюсь я.

– Валерка! – падает мне на грудь Николай Фомич. – Мы рады за тебя, рады! Только ты не забывай про нас...

– Да как же я забуду? – говорю я.

– Через два часа, – торжественно объявляет Миха, – наш верный друг и надежный товарищ Валерий Прохуддинов вступит в законный брак. Что сказать на это? – он обвел всех нас взглядом. – Любовь. Любовь, которая внезапно приходит и так же внезапно уходит, но товарищи всегда остаются, не смотря ни на что. Так выпьем же за нашу дружбу, которая никогда не заканчивается. Никогда не говорит, нет, не могу, в другой раз. Она всегда говорит да! Я могу! И именно сейчас, когда тебе нужно, – он посмотрел на нас влажными от слез глазами и продолжил. – Вот она, настоящая мужская дружба, которую ничто не заменит.

– Давайте мужики! – подхватил Гошка. – За дружбу за нашу!

Отъехали мы еще километр, снова вышли из машины, налили.

– Сегодня, – торжественно начал Николай Фомич, – трудно представить жизнь человека без семьи. Семья нужна, – он посмотрел на нас с печалью, – и, прежде всего, она нужна нам, иначе как жить? Как самому зашить штаны, когда я даже не могу вдеть нитку в иглолку? Как самому сварить борщ? – тут он задумался, глядя куда-то вдаль. – Даже если бы мы умели все это, у нас все равно не хватило бы ни сил, ни терпения, поэтому выпьем за женщин. За сильных, добрых, терпеливых женщин. За наших матерей, которые всегда нас поддерживают, всегда зовут обратно домой.

– Давайте мужики! – подхватил Гошка. – За матерей за наших!

Отъехали мы еще километр, снова вышли, налили.

– В этот прекрасный день, – говорит Генка, – хочется верить в самое лучшее для нашего друга Валеры, – он чуть не прослезился. – Чтобы мы могли в любой момент придти к нему домой, выпить, поговорить, и может быть, даже остаться ночевать...

– Да всегда, пожалуйста! – тут же говорю я. – Приходите, ночуйте!

– Да куда мы пойдем? – вздыхает Генка. – Нас разве жены отпустят?

– Ну, тогда я к вам буду ходить, – радостно говорю я. – А что? Что Анжела одна не переночует?

– Да конечно переночует! – говорит Миха. – Только потом она неделю разговаривать не будет, заберется в твой шкаф, повыкинет все на помойку, иди, ищи потом, отбирай у соседей...

– Вот здрастье! – удивляюсь я, а я вообще такого не ожидал.

– Я так до сих пор пассатижи найти не могу, – жалуется Колька, – фонарик свой увидел у соседа из второго подъезда!

– Да ты что? – удивляемся мы.

– Да! – говорит Колька. – Иду как-то с работы, и он мне навстречу. Я смотрю, а у него фонарик мой висит через плечо...

– Ну, надо же! – еще больше удивляемся мы.

– Оказывается, он нашел его на помойке и был несказанно рад, – говорит Колька, – так я смотрю на нем и рубашка моя и брюки...

– Вот новости! – говорю я, а мне как-то тревожно в груди.

– Давайте выпьем, – торжественно говорит Миха. – Выпьем за Валеру! За то, чтобы он никогда не встречал людей, расхаживающих в его вещах!

– Давайте мужики! – подхватил Гошка. – За Валеру!

– Так он такой радостный был, – смеется Колька, – и размер говорит, подошел и цвет... А я смотрю на нем и ремень мой новый, который мне мама подарила на день рождения...

– Так надо было снять! – говорю я, а мне вообще нехорошо.

Я тут же представил себя. Как я иду после работы домой и вдруг вижу, как моя рубашка в тонкую голубую полосочку валяется на помойке вся в картофельных очистках и с ней рядом штаны, облитые помоями. Да у меня в груди закололо, застучало в висках.

Я-то жениться собрался и для чего? Чтобы вещи на помойке искать? Фонарик отбирать у соседа? Выпили мы, обнялись, отехали еще километр, вышли. А мне плакать охота.

– Валерка! – говорит Тимофей Михалыч. – Ты принял смелое решение и это решение на всю жизнь, Валера! – он прижал меня к себе. – Теперь ты будешь думать о том, как незаметно уйти из дома и также незаметно вернуться... Ты будешь искать надежные места, чтобы спрятать туда свои деньги, но знай! – тут он возвысил голос. – Таких мест очень мало, – он крепко сжал меня в своих объятьях и с надрывом продолжил. – Помни, Валера, мы с тобой рядом, можешь прятать у нас...

– Да! – тут же согласились остальные товарищи.

– Я что-то не совсем понимаю, – говорю я. – Я что же, от жены буду деньги прятать?

– Да! – радостно восклицает Тимофей Михалыч. – И уже сегодня, сейчас ты должен найти книгу, которую Анжела никогда не станет читать. Это может быть справочник электрика, токаря, газосварщика...

– Пятиязычный словарь лингвистических терминов, – подхватывает Гошка.

– Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, – добавляет Генка.

– Этимологический словарь Фасмера, – заявляет Миха.

Я смотрю на них и не пойму, откуда такой набор слов? Да у меня вообще голова кругом, перед глазами туман.

– Я не смогу, – говорю я в полной растерянности, а мне вообще непонятно. Как? Как они такое читают?

– Главное начать, – говорит Тимофей Михалыч. – Ты сам потом поймешь, как это прекрасно!

– Давайте выпьем, – предлагает Николай Фомич. – За хорошие книги, за справочники, за энциклопедические словари!

– Давайте мужики! – подхватил Гошка. – За словари!

А я уже не знаю, хочу ли я жениться? Для чего? Чтобы деньги прятать? Чтобы книги читать, энциклопедии? Да мне вообще нехорошо! Я уже себя потерял, и как в этот Загс ехать, когда я не понимаю зачем?

– Мужики, – говорю я, – а может нам не ехать в Загс?

– Так, а давайте в лес поедem, – тут же говорит Колька. – Там, наверное, цветок расцвел красный, заодно и посмотрим.

– А мы разве не в лес ехали? – удивляются товарищи. – Так, а давайте на наше любимое место, может там и грибы уже есть, дожди-то какие шли...

Выпили мы за словари и поехали в лес. И так спокойно мне стало, так хорошо! Не надо ничего сочинять, придумывать, деньги куда-то прятать... Вещи все на месте, никто в них по улице не разгуливает...

И зачем мне такая жизнь?

На небе

Не пойму, что творится с сегодняшними женщинами. Им все время что-то надо! Они не думаю, что жизнь когда-нибудь закончится, и они водворятся у Господа и, скорее всего в одних трусах.

А ничего не принесли с собой в этот мир, стало быть, ничего и не возьмем из него. Но женщины не хотят это понять. Моя жена думает, что там ее ждет дом, и в этом доме большая кровать с балдахином, которой у нее никогда не было.

– Моя мечта исполнится на небе, – радостно говорит она. – Я буду спать одна на новой кровати, на которой никто еще не спал. Первая! Первая кровать в моей жизни.

– А как же я? – а мне интересно.

Неужели Галя забудет, что я ее муж?

– А ты, Валера, – говорит она, – будешь жить по соседству. Все будут жить по отдельности в разных домах и ничего друг к другу не испытывать....

Вот здрасьте! Мы значит, с женами живем тут по сорок, по пятьдесят лет, вместе детей растим, внуков, все силы на них тратим, а они нас знать не хотят! Будут там мимо ходить, будто мы и не знакомы!

Я тут же представил, как Галя идет мне навстречу и даже меня не узнает! Забыла совсем, как я ноги ей натирал, шоркал спину, сдавал сапоги в ремонт. Встречал ее мамашу на вокзале! Будет идти, как ни в чем не бывало, будто я чужой, незнакомый человек! Да мне вообще непонятно!

Придется к ней в дом идти, заново знакомиться, говорить, здрасьте, меня зовут Валера. Может, у вас трубу прорвало или балдахин оторвался? А она будет смотреть на меня и даже не вспомнит, что я ей волосы распутывал, взбивал на шарлотку яйца, ставил горчичники, и мы вообще-то вместе спали!

– У меня, – говорит Галя, – такое чувство, что там будет очень хорошо. Ни детей, ни мужей! Не надо с утра соскакивать, кашу варить, не надо работать! – она открыла шкаф и стала смотреть на кастрюли. – Не надо картошку чистить, солить огурцы, бегать по магазинам с тяжелыми сумками...

А я думаю, это как же так? Это не присесть с товарищами, не выпить? Ни сала не будет, ни колбасы, ни селедки маломальской. Что ж мы там есть-то будем?

– Не надо стирать, гладить, – радуется Галя, – окна все время чистые. Пыли нет, нет ветра! Не надо посуду мыть, без конца убираться, выбрасывать этот мусор... Я так устала!

А я смотрю на нее и думаю, это чем же интересно будут заниматься наши женщины? Если здесь они еще как-то заняты, у них есть дом, дети, то там они вообще разлентяются! Будут целыми днями загорать и купаться, и в кого они превратятся? Снова в обезьян?

– Не надо ни за что переживать, – продолжает Галя, – думать, как деньги потратить, что кому подарить. Никто не знает когда у него день рождения и сколько ему лет.

А я даже не думал никогда, что нас такое ожидает! Ни нового года тебе, ни дня автомобилиста. Будем жить без праздников, без подарков! А никто не рождается, не креститься. Никто замуж не выходит, не женится и даже не умирает! Загсов нет, нет роддомов! Все живут вечно и не стареют!

Женщины так вообще не толстеют, не просят денег, не сидят у зеркала по два часа!

Галя, наконец, успокоиться и не будет рыдать из-за каких-то двух седых волосинок, которые она неожиданно обнаружила на голове! А мне уже кажется, что там ни у кого не будет волос. А зачем они?

Всем выдадут резиновые шапочки и отправят купаться в горячих источниках.

– Я буду молодой и красивой! – заявляет Галя. – Причем без всяких усилий! Без кремов и диет! Всю вечность, ты представляешь? – она с восторгом посмотрела на меня.

Да я вообще очень рад, что Галя перестанет, наконец, краситься, пудриться, запрыгивать на весы. Просыпаться среди ночи, чтобы проверить сплю ли я?

– Ты, – говорю, – хоть мазаться перестанешь, будешь на себя похожа!

– Там ни снега не будет, – восторгается Галя, – ни дождя... Не надо надевать на себя по трое колготок, кутаться в шерстяные платки, носить зонтик...

А я думаю, значит, мы с мужиками на охоту не поедем, не будем у костра сидеть, спать в палатках... Что ж мы там делать-то будем? Галя значит, на кровати лежит под балдахин, ей ни варить не надо, ни стирать, ни убирать. А мне какво? Так она меня еще и узнавать перестанет, будет думать, что я сантехник, оказавшийся поблизости.

Может, думаю, там бани по вечерам будут? Пойти хоть с мужиками попариться, в проруби искупаться. Да я вообще в растерянности! Жить целую вечность и не страдать! Не болеть, не рыдать, не мерзнуть. Не испытывать чувство вины. Не бояться, что всё съедят. Не ждать, не надеяться. Не скорбеть. Ни с кем не ругаться. Жить и не думать, как заработать.

Да мне вообще не верится, что такое возможно! На работу ходить не надо, денег нет, магазинов нет, телефонов нет. Нет зеркал! Женщины, наконец, придут в себя и поймут, что на земле они вели себя неподобающе. Им станет стыдно за то, что они не слушались своих мужей, мотали им нервы и без конца доказывали, что они умнее.

А что толку понимать, когда ни мужей не будет, ни жен. Да я вообще расстроился! Всю вечность без жены. А может, подумал я, к нам будут прилетать бабы из космоса? Я тут же представил, как они спускаются с корабля в каучуковых костюмах, вместо глаз у них сверкают светодиодные лампы, на груди мигают микросхемы и все они опутаны проводами.

Я посмотрел на Галю, пытаясь запомнить каждую ее черточку. Я рассматривал ее глаза, губы, брови... Я вдруг увидел, как сквозь тонкую кожу просвечивают голубыми ручейками вены на ее руках, как на лицо ниспадают прядки непослушных вьющихся волос, и все во мне наполнилось такой непередаваемой нежностью...

Мне так захотелось вдохнуть ее всю в себя, чтобы там, на небе вновь почувствовать родное тепло...

– Ночи не будет, – вдруг говорит Галя. – Не будет звезд, – тут она подошла к окну и стала смотреть на небо. – Не будет ни луны, ни солнца...

Это как же так? Нет солнца и светло! Я-то жду не дождю, когда ночь наступит, чтобы спать поскорее лечь. А там? Будем сутками скакать, следить за своими женами, чтобы они чего доброго не потеряли свой моральный облик?

– Странно... – после некоторого молчания продолжает Галя. – Не будет звезд... Не будет самолетов, летящих над головой. ... Не будет листвы, шуршащей под ногами, не будет снежинок, падающих на лицо. Не будет луж, фонарей, сугробов... мы не будем кормить крошками птиц, не будем выкручивать перегоревшие лампы. Ты не дашь мне постирать свою грязную рубашку и не спросишь что у нас на ужин, – ее голос неожиданно дрогнул. – Я не обниму тебя ранним утром, не открою тебе дверь, потому что ты не придешь с работы...

Ну конечно! Я буду околачиваться возле Галиного дома, прикидываться сантехником, а она мне даже дверь не откроет!

– Как же так? – она посмотрела на меня, и вдруг я увидел, как ее глаза стали прозрачны. – Мы не будем праздновать Новый год, не будем наряжать елку... Не будем пить чай с малиновым вареньем, – она подошла ко мне и села на колени. – Я никогда не буду плакать и забуду, что такое слезы, – она взяла меня за руку, и я почувствовал, какая она горячая. – Я забуду про эту жизнь, которая была на земле...

– Ты только про меня не забудь, – говорю я.

– Но я не хочу! – она посмотрела мне в лицо. – Я хочу варить, хочу стирать, мыть, гладить, зашивать, красить ногти... Я хочу сидеть в ванной, жарить картошку, тратить деньги, в конце-то концов, – она резко вскочила и вытащила из шкафа муку. – Я сейчас же напеку хвороста! Буду печь его каждый день! Буду каждый день жить, каждый день радоваться и делать то, что там уже не буду делать никогда! – она вдруг со страстью посмотрела на меня и стала раздеваться. – Мы не можем упускать ни минуты! Ни секунды! Раздевайся, что ты сидишь?

А я не готов вот так, ни с того ни с сего! Из-за страха, что все скоро закончится?

– Нет, ну это же надо! – она стала дергать замок на юбке. – Не будет зефира в шоколаде, не будет моего любимого печенья с апельсиновым желе, не будет халвы, соленых огурцов, помадки...

– Так я пойду и куплю! – обрадовался я и тут же засобирился в магазин. – А ты пока хвороста напеки. Я скоро! – я быстро выпрыгнул за дверь, боясь, что Галя схватит меня за штаны.

Выскочив на улицу, я немного успокоился и начал понимать, что иду в магазин. Мне захотелось купить вкусной жирной селедки или банку шпрот, а лучше всего кусочек свежей колбаски или буженинки.

– Сахарную пудру не забудь! – услышал я Галин голос.

Я развернулся, сделал несколько шагов вперед и, запрокинув голову, посмотрел наверх. Она стояла на втором этаже, прикрывшись белым тюлем, красивая, с растрепанными волосами... Она смотрела на меня. Я смотрел на нее.

Мы оба всматривались друг в друга, пытаюсь запомнить, запечатлеть в своих сердцах это мгновение, как будто оно никогда больше не повторится.

Ведь там, на небе я не буду стоять с запрокинутой головой, а она не будет смотреть на меня из окна....

А ПОТОМУ ЧТО МЫ ЛЮДИ

Я просто удивляюсь нашим женщинам! Они думают, что мужчины это не просто люди, у которых голова может заболеть или нога зачесаться, а какие-то существа, у которых ничего не должно болеть. Ничего не должно чесаться!

У нас будто в организме никаких органов нету! Мы из стали и сплавов! И нервы у нас железные и воля из чугуна. И все мы можем и все мы умеем. А главное никогда не устаем! Да! Всегда готовы!

И шкаф собрать и полку повесить и маму пойти на вокзал встретить. Притащить две тяжелые сумки с солеными рыжиками. А потом ковер пойти на улицу выбить и фарша намолоть целый таз, и пододеяльники снять с веревки. А они все попримерзли!

И при этом мы смеяться должны! Должны подпрыгивать от счастья на левой ноге, нюхать герани изо всех сил, замечать, как красиво блестит на солнце и переливается фаянсовый чайник, а за окном вдруг перестал падать снег!

Мы должны знать, почему на полу вода? Что с телефоном? Куда подевались трусы с батареей и есть ли вечная жизнь на Марсе? Мы ничего не боимся, и только поэтому будем жить вечно и именно на Марсе! Мы и под кровать можем залезть и в трамвай запрыгнуть, и трюмо занести на второй этаж вместе с пианиной.

И мамашу проводить на вокзал. А потом прийти и рассказывать какие полки были в вагоне и как звучали имена трех попутчиков и двух проводниц. И тут же восхититься луной и блеском волос. Да мне вообще непонятно, откуда у женщин такие идеалы?

Мы такие же люди, и нам страшно! Мы боимся умереть, потерять ногу или руку, ослепнуть на правый глаз, подавиться колбасой. Заболеть страшной болезнью. Мы боимся быть нелюбимыми, отвергнутыми, обманутыми...

Мы лежим и представляем свои собственные похороны и беззвучно рыдаем, потому что там мало прожили и даже не успели купить мотоцикл и резиновую лодку. И так никуда и не съездили со своими товарищами, а так хотелось посмотреть на красивые места, порыбачить... И если не сегодня-завтра помирать, то, что останется после нас?

Грязные носки под кроватью? Стихотворение, написанное в пятом классе о любви к взрослой женщине, которая наливала компот в школьной столовой? Мы лежим и вспоминаем, есть ли зимняя шапка, где войлочные стельки, кальсоны... Впереди зима, в чем ходить?

Нас мучают сомнения. А все ли правильно в жизни? Что не так? А как надо? Остались ли куриные ножки в холодильнике или их давно уже съели? А может, завалились котлеты, хотя бы одна, хотя бы половинка...

Мы чешемся и стыдимся. Мы мерзнем, потеем, стесняемся быть собою. Боимся показать, что боимся. У нас то колет, то сводит, в груди все сжимает. Нас одолевают тревожные мысли. А с кем? А когда? Неужели больше? И сразу же хочется плакать. Хочется уйти, убежать. Попасть под машину, под трактор. Если так, то зачем тогда жить?

Мы отчаянно хотим доказать, что мы все-таки лучше. Покупаем цветы, сливы, мармеладные дольки. Успокаиваем самих себя по дороге, что мы единственные, и нас любят. И не потому что мы сильные и смелые, и ничего не боимся. Нет! Не поэтому!

А потому что мы люди и можем быть добрыми, а можем быть злыми. Можем сомневаться, а можем верить изо всех сил! Можем смеяться и хохотать, а можем безутешно горевать. Можем быть сильными и можем быть слабыми, немощными, безвольными, малодушными. Да!

Мы можем сказать правду, а можем сказать ложь! Мы сегодня здоровые, а завтра больные, и нам кажется, что это не просто какой-то озноб. Это неминуемая смерть! И нам обидно, и горько, и хочется плакать навзрыд, оттого, что все когда-то закончится...

Любите нас, потому что мы живые.

В последний раз

Я вчера на кухне сидел, смотрел, как чайник закипает. Смотрел, смотрел, и вдруг понял, что жизнь-то наша всего лишь пар. Посмотришь, и нет её. Да у меня чуть ли не слезы!

Да я не разобрался еще, как жить мне? Что делать? Всё думал, времени много. Успею! А никто не знает, будет ли завтра? А вдруг не будет? Вот так ляжешь спать, носки приготовишь, а утро не наступит. Да у меня чуть ли не слезы! Я на Галю смотрю, как она постель стелет, как руки мажет, а она, думаю? С кем она жить будет?

А ночью лежу, и не спится мне. Вдруг, думаю, это последняя моя ночь? Да у меня чуть ли не слезы. И ради чего жил? Ради какого такого счастья?

– Галя, – говорю, а сам думаю, может, в последний раз её вижу. – Ты такая красивая.

– Правда? – шепчет она.

– Ты такая хорошая, – говорю я, и по голове ее глажу. – Ты удивительная, ты добрая, ты нежная...

– Правда? – всё еще не верит Галя.

– Ты одна такая, – говорю и волосы ее к лицу прижимаю.

В последний раз может быть. А они дождем пахнут.

– А помнишь, – говорю я, – у вас практика была? Все студенты в операционную пошли, а ты подошла к окну...

– Неужели ты помнишь? – шепчет Галя.

– Да, – шепотом отвечаю я. – А за окном снег падал... Я смотрел на тебя, и думал, ты такая же, как этот снег...

– Какая? – шепчет она.

– Такая же чистая, хрупкая... Первая, – шепчу я и Галину руку к губам прижимаю, к глазам, ко лбу.

В последний раз может быть. А ладонь у нее такая прохладная, такая маленькая...

А что, думаю, если завтра не будет? Если есть только сегодня? Сейчас?

– Галя, – шепчу я и обнимаю её, в последний раз может быть. – Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, – шепчет она.

– Я тебя сильно люблю, – шепчу я, и еще сильнее ее обнимаю.

И так мне жить захотелось! Так захотелось, чтоб было завтра! Хотя бы еще один день. ... Чтобы проснуться и лежать тихо-тихо, слушать, как дворники скребут по асфальту железными метлами. А потом на цыпочках пойти на кухню, поставить чайник, посмотреть в окно на распускающиеся листья.

Чтобы сказать доброе утро, потому что оно доброе! Чтобы еще раз посмотреть на небо и понять, что живешь. Дышишь. Думаешь. Любишь.

Мороженое с клубникой

Надо на курорт вместе с женами ездить! И кто это придумал, что людям нужно отдыхать друг от друга? Что за чушь? И будто бы живя на расстоянии, мужья начинают скучать по своим женам.

Они без конца им названивают, чтобы узнать, не спит ли кто на кровати? Не моется ли кто в ванной? Они хотят вернуться домой, причем неожиданно и внезапно, и некоторые даже уезжают раньше времени... А жены тоже грустят и рыдают.

Они начинают еще больше любить своих мужей, и приезжая из отпуска накидываются на них прямо с порога! А потом целый месяц пекут блины и подслушивают телефонные разговоры. Я так приехал на курорт и на второй день забыл, что у меня дома жена!

А как мне про нее помнить, когда вокруг сплошные женщины и все они в купальниках передо мною лежат! Зина же купальник не наденет, не ляжет передо мной. Да я бы даже не посмотрел на нее!

А тут у меня голова закружилась, сердце забилося, не знаю куда смотреть! А женщины до того все прекрасны! И книги читают, и гимнастику делают и в воду ныряют, того гляди придется прыгать спасать. А я готов! А я уже разделся и жду, чтобы первым прийти на помощь.

И зачем мне жена, которая на кухне сидит, сковородки чистит, когда тут каждую минуту опасность? Да я мужчиной себя чувствую, который может оказаться рядом. Может спасти от смерти, вытащить из воды, наложить повязку. А что дома? В том-то и дело, что ничего!

Так на третий день я вообще себя узнавать перестал! У меня расправились плечи, выпрямилась спина. Я стал выше! Появилась уверенность в том, что я все сумею, что я все смогу! Рядом со мной прекрасные женщины. Одинокие, беспомощные, хрупкие. Они тоже забыли про своих мужей, и всю веселятся и наслаждаются жизнью!

Никто не грустит, не рыдает. Наоборот! Все смеются и друг другу подмигивают. Так, а что унывать, когда солнце светит каждый день! Каждый день море, горячие ванны, массажи и на работу ходить не надо! Можно просто лежать на песке, любоваться закатами, вдыхать кислород и никто не стоит над душой, не просит полку повесить, прибить плинтуса, заправить в штаны рубашку.

Да мы вообще уезжать не хотим! Хотим и дальше здесь жить и ничего не делать. Я так смотрю на женщин, а они смотрят на меня. И мне уже кажется, что как раз-таки здесь я и встречу свою настоящую любовь! Сильную страстную безумную любовь, от которой сердце будет отчаянно биться, будет кругом кружиться голова и в груди разгораться пожары.

А женщины тоже хотят любви! Да они устали в очередях стоять, таскаться с тяжелыми сумками, скакать у плиты, заглядывать в хлебницу. Мыть кастрюли со сковородками. Они приехали и тут же почувствовали себя женщинами, для которых столы накрыты, застелены простыни, набраны целебные ванны. И кругом много сильных загорелых мужчин в одних трусах!

И как тут не покраснеть? Как не застыдиться? Как не надеть на себя самый лучший наряд? Да они нарядились, накрасились, можно сказать, первый раз в жизни побрили ноги! Их красивыми такими не видели даже мужья. И лежим мы все вместе на пляже и разглядываем друг друга.

А вдруг, это судьба и мы будем бесконечно счастливы? И что нам до наших жен? Они как сидели на кухне, так и сидят! А нам хочется совершенно другого! Я так не знаю к кому подойти, с кем познакомиться. Все женщины хороши и удивительно культурны. Никто не ругается, не бранится, не жалуется на эпигастрий!

А они сами стали к нам подходить, а что стесняться? Что зря время терять, когда впереди столько открытий? Ко мне так женщина подошла, я смотрю, у нее глаза сверкают, волосы

развеваются, щечки горят. И столько в ней энергии и азарта, что мне сразу же захотелось с ней пойти танцевать и перепрыгивать через горы.

– Элеонора, – весело представилась она и протянула свою загорелую руку.

– Валерий, – тут же сказал я и сжал ее ладонь со всей силы.

Как же прекрасно, что есть курорты!

– Давайте пройдемся, – предложила она, и посмотрела мне в глаза.

– С большим удовольствием! – согласился я и взял ее под локоток.

Да я поверить не могу своему счастью! Идем мы по набережной, а у нее волосы развеваются мне в лицо, и никаких упреков, никаких угроз. Никаких просьб затащить с балкона два килограмма мяты! Да я хоть дышать начал полной грудью, по сторонам смотреть, замечать облака на небе.

А Элеонора что-то щебечет, громко смеется, и дарит мне самые нежные взгляды.

– Присядем? – она указала рукой на столик.

– Конечно! – обрадовался я, а я что-то устал, и мне захотелось выпить стаканчик нарзана.

– Так, я буду мороженое с клубникой, – она схватила меню и стала разглядывать в нем картинки. – Салат из спаржи и кофе.

– А я водички попью, – сказал я и стал внимательно изучать цены.

– Какая чудесная погода, – она потянулась и, запрокинув ногу на ногу, стала рассматривать аперитивы. – А почему бы нам не выпить?

– Нет-нет! – чуть ли не вскрикнул я. – Алкоголь плохо влияет на печень.

– А я выпью! – она с вызовом посмотрела на меня. – Приехать на курорт и пить минералку? Ну, уж нет! Бокал вина и к нему, пожалуй, мясную нарезку. А лучше сырную!

– Акститесь! – а я даже представить себе не мог, что у нее такие аппетиты.

– Мне так надоела еда в столовой, – она капризно поджала губы. – Особенно эти безвкусные паровые котлеты. Боже мой! – она глубоко вздохнула и мечтательно посмотрела в небеса. – Как же это прекрасно вырваться из дома, убежать от кастрюль и прихваток. От надоевшего мужа! А он все время голодный, все время говорит, дай пожрать, хватает все грязными руками... Я не понимаю, трудно пойти и вымыть руки? Как же я устала!

Тут появился официант и, раскланявшись, приготовился взять заказ.

– Минеральной воды, – сказал я, стараясь изо всех сил, чтобы мой голос звучал весело и непринужденно.

– Бокал красного вина, – начала диктовать Элеонора, – салат из спаржи, сырную тарелку, а у вас есть маслины?

– Ну, конечно, – заулыбался официант.

– Так, значит мне маслины, – продолжила Элеонора, – черные большие маслины без косточек, мороженое с клубникой, а клубника у вас свежая?

– Ну, разумеется, – чуть ли не поклонился официант.

– Прекрасно! – торжествовала Элеонора. – А у вас есть шашлыки?

– Конечно, – радостно сообщил официант. – Из баранины, свинины, телятины, картофеля, овощей, курицы. Какой желаете?

– Я буду из баранины, – пожелала Элеонора, – и запеките, пожалуйста, репчатый лук и помидоры и баклажаны... Как же я обожаю запеченные овощи! – она весело рассмеялась, и ее щеки стали покрываться румянцем. – Как же я давно не была в ресторане!

– Давайте проверим, – сказал официант и стал перечислять все, что заказала Элеонора. – Все верно?

– О, да! – воскликнула она. – И хлеба! Побольше горячего свежего хлеба! И зелени! А где можно помыть руки?

– Пройдете прямо, – он выкинул руку вперед, – потом повернете налево и увидите деревянную дверь с изображением женского силуэта.

– Спасибо, – Элеонора эффектно встала и царственной походкой направилась к туалету.
– Позвольте, – я умоляюще посмотрел на официанта. – Мы едва знакомы, и я вообще не ожидал, что эта женщина наказыывает так много...

– А что вы ожидали? – ухмыльнулся официант. – Такая женщина должна пить самое лучшее вино и есть тарталетки с икрой.

– Знаете что? – не выдержал я. – Принесите мне воды, а ей это дурацкое мороженое с клубникой и кофе!

– Вот даже как? – удивился официант и скривил без того свои узкие кривые губы.

– Ну что вам стоит? – стал упрашивать я. – Скажите, что баранины нету, есть жирная прежирная свинина! И маслин тоже нет! Ничего нет! Все вдруг закончилось. Ну, поймите же вы, наконец, что у меня нету денег! – я достал из кармана две смятые бумажки и кинул на стол.

– А что же вы приперлись-то сюда? – официант в недоумении посмотрел на меня.

– Это она меня сюда затащила, – сказал я шепотом. – А я и не собирался, да я даже представить себе не мог, что у нее нету совести! Как вообще можно наказыывать столько еды? И сыр ей подавай, и вино. Надо же! – я стал озираться по сторонам, боясь, что она уже вымыла руки и предвкушает набить свой живот всякой всячиной.

– В таком случае, – говорит официант, – вам нужно сидеть дома со своей женой и есть жареную картошку.

– Именно так я и делаю, – говорю я шепотом, – но на курорте, сами знаете...

– Так вы еще и любовники? – громко воскликнул официант.

– Да тише вы! – умоляю я. – Мы только что познакомились, пошли гулять по набережной, я думал, мы пропустим по стаканчику сельтерской, и всё! Всё! – а меня чувствую, злоба разбирает. – Откуда я мог знать, что она окажется такой ненасытной? – я вытащил салфетку из салфетницы и вытер пот со лба.

– Вы можете встать и уйти прямо сейчас, – говорит официант. – Я скажу, что у вас поднялась температура, случился сердечный приступ...

– Да! – радостно вскрикнул я. – Скажите, что приехала моя жена, и я срочно убежал в гостиницу, – я подскочил со стула и быстро направился к выходу.

Ну, кто бы мог подумать, что все так закончится? На следующее утро я снова встретил Элеонору. Она сидела на берегу и задумчиво смотрела вдаль.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

– Валерий, – тревожно произнесла она, – что случилось? Мы не сможем быть вместе? – она схватила меня за руку.

– Приехала моя жена, – сказал я шепотом, и стал озираться по сторонам. – И она может нас увидеть. А вот и она! – я показал на незнакомую толстую бабу в длинном цветастом сарафане.

– Надо же! – Элеонора стала разглядывать бабу, а та ничего не подозревая, шла по пляжу и зевала во весь свой большой рот.

– Да, – с грустью сказал я. – Мне приходится жить с этой женщиной, ничего не поделаешь.

– Какая жалость! – она еще крепче сжала мою ладонь.

– Мне надо срочно идти, – трагически сказал я, – а то она подумает, что мы знакомы.

– Конечно, – прошептала Элеонора. – Конечно!

А я-то думал влюбиться! Думал пережить какие-то небывалые чувства, какую-то безумную страстную любовь! Да зачем мне эти пожары? Этот плавающий огонь, сжигающий все мои деньги?

Мороженое с клубникой. Надо же было додуматься до такого!

Человечек

Мне интересно, что нас ожидает после смерти. Неужели мы снова будем все вместе? Будем друг другу завидовать, друг друга упрекать? Выхватывать колбасу изо рта? Да я не знаю, что уже думать!

Здесь-то все позапутались, заврались, женщины так вообще обленились, делать ничего не хотят и никто даже не задумывается, чем закончится наша жизнь? Куда мы прилетим?

На луну, скорее всего, чтобы лазить там по трубам в поисках воды и каких-то маломальских удовольствий. Опять же, все по-разному прожили эту жизнь и как быть? Тот, кто врал, не хотел мыть полы, шарился по карманам и все время скандалил, будет жить в коммунальной квартире с неисправной газовой колонкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.